

УДК 81:008:378(=112.2)

*Хилханова Эржен Владимировна*  
*Erzhen Khilkhanova*

*Рашитова Татьяна Фаритовна*  
*Tatiana Rashitova*



## О КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЕБ-САЙТОВ НЕМЕЦКИХ ВУЗОВ)

### ABOUT CULTURAL CONTEXT OF A DISCOURSE (EXEMPLIFIED ON THE GERMAN UNIVERSITIES' WEBSITES)

---

Рассматривается значимость национально-культурного контекста в продукции и перцепции дискурса. В качестве объекта анализа представлены академические немецкие веб-сайты, демонстрирующие идеосинкретичные характеристики, эксплицирующие современные ценности немецкого лингвокультурного сообщества

**Ключевые слова:** дискурс, культура, культурный контекст, культурная специфика, немецкие национальные ценности

This article is about significance of national-cultural context in discourse production and perception. The theoretical considerations are exemplified on academic German web-sites, which demonstrate cultural-specific features. These features reveal modern values of German culture and society

**Key words:** discourse, culture, cultural context, cultural specifics, national German values

---

На сегодняшний день, пожалуй, можно выделить четыре основных направления изучения дискурса в зависимости от того, на чем сосредоточивается внимание исследователя:

- 1) форма;
- 2) значение;
- 3) взаимодействие;
- 4) когниция.

Соответственно, в первом и втором случаях внимание ученых сосредоточено на дискурсе как вербальной структуре и семантике дискурса. В третьем случае исследователь анализирует коммуникативное взаимодействие людей в различных социальных ситуациях и в широком социокультурном контексте. И, наконец, в рамках наиболее актуального когнитивного направления

дискурсивных исследований рассматриваются знания, убеждения, ментальные процессы и репрезентации, стратегии и интенции, концепты, фреймы и т.д.

Любое дискурсивное исследование может быть внутренне- (тексто-, лингво-) ориентированным, внешне- (контексто-) ориентированным или сочетающим оба подхода. Однако какое бы направление ни избрал дискурс-аналитик, учет контекста в таких исследованиях обязателен. Контекст играет фундаментальную роль в описании и объяснении дискурса — «следы» контекста мы находим на всех его уровнях.

Контекст может быть локальным и глобальным. Локальный контекст — это то, что можно условно обозначить как окружающую обстановку (время, место, об-

стоятельства) участников дискурсивного взаимодействия и их различные коммуникативные и социальные роли (политик, учитель, друг и т.д.). Глобальный контекст — это более широкие культурные, политические, национальные, этнические и другие факторы, релевантные для производства и восприятия (декодирования) дискурса. Глобальный контекст становится особенно релевантным, если речь идет об институциональном дискурсе.

Сказанное не означает, что контекст статичен и является некоей данностью и что пользователи языка и их дискурсы пассивно «подчиняются» ограничениям, накладываемым на них обществом или культурой. Напротив, дискурсы и их пользователи находятся в диалектической взаимосвязи со своими контекстами: с одной стороны, они подпадают под контекстуальные ограничения, с другой — также вносят вклад в этот контекст, конструируют или изменяют его.

В настоящее время имеется значительное количество работ, посвященных изучению взаимоотношения культуры и дискурса в рамках лингвокультурологии — Опарина 1999; Красных 2002; Красных 2003; Вежбицкая 1996, 2001, 2002; Воркачев 2001; Маслова 2001 и культурологии — Найдорф 2005.

По мнению культурологов, «факты культуры» образуются на любом материале предметов и поступков, если только в них «просвечивается» определенный смысл, отсылающий нас к «образу мира и человека в нем». «Образ мира и человека в нем» наряду с нормами, установками и правилами, которым человек должен следовать, складываются в контекст, определяющий особенности всякой культуры. М. И. Найдорф вкладывает в понятие «культурный контекст» зависимость смысла любых проявлений человеческой жизнедеятельности от совокупности жизненных обстоятельств. Так, «культура, сама состоящая из смысловых элементов, которые мы назвали «фактами культуры», оказывается в то же время их творцом, тем самым «культурным контекстом», внутри которого эти факты могут возникать и взаимосвязанно существовать» [11].

Гораздо меньше работ, рассматривающих взаимоотношение культуры и дискурса в рамках дискурсного анализа. Не отвлекаясь сейчас на многочисленные направления/школы дискурсного анализа (подробнее об этом см., напр., Макаров 2003), остановимся только на двух, достаточно хорошо разработанных направлениях:

1) лингвистический дискурс-анализ Бирмингемской школы и конверсационный анализ — Г. Сакс и др.;

2) критический анализ дискурса (КАД) — Р. Водак, Т.А. ван Дейк, З. Егерь и др.

Лингвистический дискурс-анализ в Бирмингемской версии и конверсационный анализ сосредоточиваются на механизмах и правилах мены коммуникативных ролей и особенностях линейного структурирования разговора в плане социальной организации взаимодействия и не выходят на более широкие контекстуальные детерминирующие факторы. Специфика же КАДа как направления/школы заключается в том, что он рассматривает как письменный, так и устный дискурс как форму социальной практики [15] и сосредоточивается на анализе коммуникации в СМИ, политике и других институциональных областях. Цель КАД — вскрытие идеологизированных и зачастую неявно выраженных структур власти, политического контроля и доминирования, а также изучение стратегий включения и исключения, выраженных в языке и используемых в дискриминационных целях. Тем самым КАД представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику [19].

Другими словами, если первое направление носит узкий, лингвистически-ориентированный характер, то во втором больше внимания уделяется взаимоотношению между дискурсом и властью, дискурсом и идеологией, чем между дискурсом и культурой.

Тем не менее, при любом — культурологическом, лингвокультурологическом и других подходах к анализу дискурса бесспорным является то, что при производстве любого дискурса участвуют такие невидимые базовые аспекты культуры, как нормы

и ценности, социальные взаимоотношения или институциональные фильтры, даже если исследователь эксплицитно не обращается к ним для объяснительных целей, как при разговорном анализе. Большинство ученых именно с ними ассоциируют термин «культура». Именно нормы и ценности, социальные взаимоотношения и институциональные фильтры составляют когнитивное основание дискурсивной деятельности (см. также: Опарина). Так, дискурс в понимании А.Е. Кибрика — «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст» [5].

В концепции Ш. Линде система когерентности дискурса рассматривается как связующее звено между языковой структурой и дискурсивной практикой. Система когерентности, по определению, представляет собой систему верований (представлений, мнений, оценок и др.) и отношений между ними, которые приняты в данной культуре. Эта система создает концептуальную среду, обеспечивающую релевантность утверждений в самом дискурсе и в социокультурном контексте, как, например, может ли устанавливаться причинная связь между двумя утверждениями. Так, система «здорового смысла» (общее, разделяемое знание) как одна из систем когерентности основывается на системе верований, предположительно разделяемых всеми индивидами, принадлежащими к данной культурной общности. Верования такого рода имеют свое историческое начало в практике социального взаимодействия. Они функционируют как пресуппозиции, которые позволяют легко создавать одни дискурсы и затрудняют или делают невозможными другие [12].

В.В. Красных полагает, что можно говорить о «национальном» дискурсе. Например, *русский дискурс — это вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемая на русском языке представителями русско-*

*го национально-лингво-культурного сообщества* [6].

Картина мира, сформированная в сознании индивида, в каждом языке своя, как и значения, которые несут характеристики антропоцентричности и ориентированы на конкретный этнос. Некая «база данных» — индивидуальное когнитивное пространство — составленная из блоков и единиц хранения в сознании индивида, может быть охарактеризована как национально-маркированная и национально-детерминированная. Фреймы, сценарии и ситуационные модели, т.е. когнитивное представление контекста не могут не быть национально-маркированными и национально-детерминированными [7].

Продemonстрируем сказанное о взаимоотношении дискурса и культуры на примере Интернет-дискурса, материалом которого послужили семь веб-сайтов немецких вузов в имплицитном сравнении с веб-сайтами российских вузов. Сравнительный анализ позволил выявить три основных отличия текстового и визуального контента немецких веб-сайтов от российских, а именно:

1) меньшая формализованность и «академичность», идущая рука об руку с большей креативностью и проявлением игрового начала;

2) большая ориентированность на адресата, персонализированный подход;

3) гендерная политкорректность.

Примером меньшей формализованности и «академичности», проявляющихся, в частности, в большей креативности и проявлении игрового начала, является необычное использование сокращенного названия университета. Например, аббревиатура от Ruhr-Universität Bochum — RUB. На странице данного университета эта аббревиатура обыгрывается в сочетании с разными частями речи и превращается, таким образом, в некий концепт. Сумма понятий, функционирующих в связке с «RUB», описывающих направления деятельности вуза, подкрепленные фото- и видеоматериалами, создает самобытную концепцию именно данного вуза. Аббревиатура «CAU»

(университет Кристиана Альбрехта, Киль, ФРГ) приобретает характеристики концепта, комбинируясь с другими частями речи. В разделе «Glossar», в рекомендациях к использованию глоссария, встречается формулировка «CAU-spezifisch», в пер. с нем. — «понятия, характерные именно для университета Кристиана Альбрехта».

Большая ориентированность на адресата, персонализированный подход проявляются, например, в том, что на сайте Рурского университета заглавный левый верхний угол (под клавишей перехода на домашнюю страницу, где расположено меню ссылок) венчает эллипс «Die RUB für», что в переводе на русский язык означает «РУБ для», и далее перечисляются потенциально и реально заинтересованные группы лиц. Для студентов сотрудники вуза осуществляют поддержку по вопросам, касающимся учебы, в том числе «psychologische Beratung» (в пер. с нем. — «психологическая поддержка»). «Prokids — der Familienservice» или «Büro für Familienfragen». Все больше студентов проходят обучение в университете, являясь родителями, поэтому для данной группы студентов организуются «Центры по вопросам семьи». Таким образом, видно, что вуз применяет не групповой статусоцентричный подход, а персонализированный антропоцентричный, рассматривая студентов не как социальную группу, а как людей со своими человеческими потребностями и проблемами, в решении которых вуз старается им помочь. На сайтах российских университетов также редко встречаются аналоги рубрик «Who is who», где можно найти контактные данные, «Sprechzeiten» — часы приема, «Telefonsprechzeiten» (пер. с нем. — «время консультации по телефону»), как это имеет место на сайтах немецких университетов.

И, наконец, перманентная борьба женщин на западе и, в частности в Германии, за свои права обязывает университеты располагать «Gleichstellungsüro» или «Центрами по вопросам равноправия». Довольно часто встречающейся рубрикой является

«Chancengleichheit», тематика которой касается равноправия мужского и женского населения кампуса.

Краткий анализ текстуального и визуального контента веб-сайтов немецких университетов обнаруживает следующие черты современной немецкой культуры. Современные немцы склонны не к типизации, а к подчеркиванию собственной индивидуальности (что особенно ярко проявляется у молодого поколения, на которое в первую очередь и ориентированы университетские веб-сайты). В Германии с начала XXI в. на передний план выдвигаются индивидуалистические ценности, связанные, прежде всего, с личной жизнью человека, семейные отношения воспринимаются со второй половины прошлого века и по настоящее время как отношения равноправных партнеров [10]. Также чрезвычайно важны такие ценности, как гендерное равноправие, развитие творческого начала. В отличие от предыдущих исторических эпох, акценты в воспитании детей смещаются в сторону привития самостоятельности и независимости, веры в собственные силы, способности к критическому мышлению, а не послушания, покорности и подчинения авторитетам.

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на наднациональный характер медиакультуры, немецкий Интернет-дискурс обнаруживает черты, характерные для современного немецкого национально-лингво-культурного сообщества. Эти черты входят в определенное противоречие с теми ценностями, которые традиционно считались характерными для немецкой культуры: ценность порядка и страх перед хаосом, ориентация на выполнение конкретных задач, значимость структур и правил, внутренний контроль за соблюдением правил [10, 13]. Это свидетельствует о динамичности культуры, изменчивости ее ценностей и норм с течением времени, об определенной трансформации культурной идентичности современных немцев.

## Литература

## References

1. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 2 (4). С. 6-34.
3. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
5. Кибрик А.Е., Нариньяни А.С. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 41.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. С. 141.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
10. Медведева Т. С. Ценности немецкого народа: история и современность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://vestnik.udsu.ru/2010/2010-053/vuu\\_10\\_053\\_15.pdf](http://vestnik.udsu.ru/2010/2010-053/vuu_10_053_15.pdf) (дата обращения: 11 сентября 2013).
11. Найдорф М. И. Введение в теорию культуры: Основные понятия культурологии. Одесса: Друк, 2005. 192 с.
12. Опарина Е. О. Язык и культура. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/\\_4.htm](http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_4.htm) (дата обращения: 27 октября 2013)
13. Ямшанова В. А. Справедливость по-русски и по-немецки // Текст – Дискурс. Гипертекст – Интернет-дискурс: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУ-ЭФ, 2010. С. 7-25.
14. Dijk, T.A.van. Ideology. A multidisciplinary introduction. London: Sage. 1998.
15. Fairclough, N. & Wodak, R. Critical discourse analysis // T. van Dijk (Hg.): Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. 1997. Vol. 2. London: Sage. P. 258-284.
1. Vezhbitska A. *Russkie kulturnye skripty i ih otrazhenie v yazyke* (Russian cultural scripts and their reflection in language) // *Russky yazyk v nauchnom osveshhenii*. M., 2002. № 2 (4). P. 6-34.
2. Vezhbitska A. *Yazyk. Kultura. Poznanie* (Language. Culture. Cognition). M.: Russkie slovari, 1996. 416 p.
3. Vezhbitska A. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* (Understanding cultures through keywords). M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2001. 288 p.
4. Vorkachev S.G. *Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii* (Linguistics, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics) // *Filologicheskie nauki*. 2001. № 1. P. 64-72.
5. Kibrik A. E., Narinyani A. S. *Modelirovanie yazykovoy deyatel'nosti v intellektualnykh sistemakh* (Modeling of language-related activities in intelligent systems). M., 1987. P. 41.
6. Krasnykh V.V. *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikatsii*. M.: ITDGK «Gnozis», 2001. P. 141.
7. Krasnykh V.V. *Etnopsiholingvistika i lingvokulturologiya* (Ethnopsycholinguistics and lingvo-cultural studies). M.: Gnozis, 2002. 284 p.
8. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* (Fundamentals of discourse theory). M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 280 p.
9. Maslova V.A. *Lingvokulturologiya* (Linguistic and cultural studies). M., 2001. 183 p.
10. Medvedeva T. S. *Tsennosti nemetskogo naroda: istoriya i sovremennost* (The value of German people: history and modernity) Available at: [http://vestnik.udsu.ru/2010/2010-053/vuu\\_10\\_053\\_15.pdf](http://vestnik.udsu.ru/2010/2010-053/vuu_10_053_15.pdf) (accessed 11 September 2013).
11. Naydorf M. I. *Vvedenie v teoriyu kultury: Osnovnye ponyatiya kulturologii* (Introduction to the theory of culture: concepts of culturology). Odessa: Druk, 2005. 192 p.
12. Oparina E. O. *Yazyk i kultura*. (Language and culture) Available at: [http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/\\_4.htm](http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_4.htm) (accessed: 27 Oktober 2013)/
13. Yamshanova V. A. *Spravedlivost po-russki i po-nemetski* (Justice in Russian and German) // *Tekst – Diskurs. Gipertekst – Internet-diskurs: Sbornik nauchnykh statey*. SPb.: Izd-vo SPbGUJeF, 2010. P. 7-25.
14. Dijk, T.A.van. Ideology. A multidisciplinary introduction. London: Sage. 1998.
15. Fairclough, N. & Wodak, R. Critical discourse analysis // T. van Dijk (Hg.): Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. 1997. Vol. 2. London: Sage. S. 258-284.



16. Jäger S. (б) Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. — Duisburg, 1993.

17. Jäger, S. (a) Der Gross-Regulator. Analyse der BILD-Berichterstattung über den rassistisch motivierten Terror und die Fahndung nach der RAF im Sommer 1993. Duisburg, 1993.

18. Sacks H. Lectures on Conversation. 2nd ed. 2 vols. Cambridge, MA, 1995.

19. Wodak, R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. The Discursive Construction of National Identity. Trans. A.Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1999.

16. Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. — Duisburg, 1993.

17. Jäger, S. Der Gross-Regulator. Analyse der BILD-Berichterstattung über den rassistisch motivierten Terror und die Fahndung nach der RAF im Sommer 1993. Duisburg, 1993.

18. Sacks H. Lectures on Conversation. 2nd ed. 2 vols. Cambridge, MA, 1995.

19. Wodak, R., de Cillia, R., Reisigl, M., & Liebhart, M. The Discursive Construction of National Identity. Trans. A.Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1999.

### Коротко об авторах

**Хилханова Э.В.**, д-р филол. наук, доцент, профессор, каф. «Иностранные языки и общая лингвистика», Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ, Россия  
erzhen133@mail.ru

**Научные интересы:** анализ дискурса, социолингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация

**Рашитова Т.Ф.**, аспирант, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ, Россия  
faritovna\_@mail.ru

**Научные интересы:** культурология, межкультурная коммуникация, лингвокультурология

### Briefly about the authors

**E. Khilkhanova**, doctor of philological sciences, associate professor, professor, Foreign Languages and General Linguistics department, East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, Russia

**Scientific interests:** discourse analysis, sociolinguistics, linguistic anthropology, cross-cultural communication

**T. Rashitova**, postgraduate student, East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude, Russia

**Scientific interests:** culture studies, cross-cultural communication, linguistic and cultural studies

